

К УТОЧНЕНИЮ СЕМАНТИКИ ДРЕВНЕРУССКОГО «СВАТАТИСЯ» / «СВАТИТИСЯ» И «СВАТ(Ь)СТВО»

(Историко-филологический этюд)*

Сегодня, говоря о средневековых браках правителей, мы воспринимаем их прежде всего как некий вспомогательный инструмент, без сомнения, очень важное, но все же сугубо прикладное и служебное средство осуществления внутренней или внешней политики династии. Между тем, для самих князей, летописцев и их аудитории акценты, по-видимому, были расставлены несколько иначе. В определенном смысле, брак и возникающие благодаря ему связи и были политикой, вместе со узами кровного родства они формировали «правовое поле» владения землей и властных претензий, позволяли осваивать новое географическое и культурное пространство, воплощали в себе состояние мира или переход к военным действиям – словом, формировали ту напряженную и динамичную сетку притяжений и отталкиваний, в которой от рождения до смерти протекала жизнь русского князя.

Для русских правителей XI столетие было по преимуществу эпохой браков междинастических, когда княжон отдавали замуж за границу (в Венгрию, в Норвегию, во Францию, в Польшу), а жен для княжичей также подбирали за пределами Руси. Собственно говоря, многие десятилетия внутридинастический брак для Рюриковичей оставался делом невозможным, поскольку все они, будучи потомками князя Владимира Святославича, состояли друг с другом в слишком близком кровном родстве, запретном для женитьбы с точки зрения церковных норм. Однако уже относительно конца 80-х гг. XI в. у нас есть по крайней мере одно надежное свидетельство о матримониальном союзе между двумя урожденными Рюриковичами¹. В XII же веке такие браки постепенно начинают преобладать над браками междинастическими и превращаться в своеобразную опорную конструкцию родовой и государственной повседневности.

Более или менее достоверно мы знаем примерно о шести десятках внутридинастических браках, заключенных до середины XIII в.,

* В работе использованы результаты проекта «Восток и Запад Европы в Средние века и раннее Новое время: общее историко-культурное пространство, региональное своеобразие и динамика взаимодействия», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 году.

¹ Речь идет о браке дочери Ярополка Изяславича и Глеба Всеславича Минского (ПСРЛ, II, 492-493). Жених и невеста были праправнуками Владимира Святого по мужской линии и приходились друг другу кровными родственниками в 8-й (т.е. дозволенной для брака) степени. Подробнее об этом союзе см. ниже.

и это при том, что канонические правила налагали целый ряд ограничений на союзы между лицами, состоящими в кровном родстве, родстве духовном и в свойстве, возникшем в результате матримониальных союзов, уже заключенных прежде. По достаточно рано сложившейся на Руси традиции, каждый княжич, если он только не был болен от рождения, должен был жениться, а коль скоро ему случалось овдоветь, то чаще всего он вступал в брак снова. Создается отчетливое впечатление, что практически ни один из шансов допустимых женитьб на представительницах собственного рода не был упущен – подобно тому, как не остаются пустыми княжеские столы или не выходят из употребления (если на то нет особых, четко выраженных причин) родовые имена предков, не пропадают втуне и дозволенные с канонической точки зрения возможности для междукняжеского брака. Поэтому нам представляется оправданным говорить о системности матримониальной стратегии Рюриковичей.

Эта система имеет собственную историю. Мы сталкиваемся здесь то с ситуацией, когда два княжеских брака заключаются одновременно (как это было, например, с Юрием Долгоруким, выдавшим одну из своих дочерей за сына Владимира Галицкого, а другую – за сына Святослава Черниговского (ПСРЛ, II, 394)), то со случаем, когда тесть, вопреки общепринятому обыкновению, приравнивает зятя к родным сыновьям, а затем оба они полностью отказываются от прежде принятых на себя ролей (Литвина, Успенский 2012, 142-144), то со следующими друг за другом, так сказать, каскадными нарушениями церковных предписаний в области брака (Литвина, Успенский 2012а) и т.д. Является ли все это лишь отдельными казусами в династическом обиходе или есть смысл говорить о том, например, что одна линия матримониального поведения постепенно сменяет другую? Для ответа на такого рода вопросы необходимо как исследование представленной в летописи событийной канвы, так и анализ терминологии брачных отношений, терминологии свойства.

Нас будут интересовать в первую очередь глаголы *свататися*, *сватитися* и производное существительное – *сват(ь)ство*. Можем ли мы определить, что в точности значили эти слова в интересующую нас эпоху, какой тип отношений между людьми они характеризовали? Здесь существует по крайней мере две лексикографические проблемы, одна из которых прекрасно выявляется в существующих словарях древнерусского языка, прежде всего, в «Материалах для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского и в «Словаре русского языка XI-XVII вв.». В языке второй половины XVII–XVIII столетия глагол *свататися* означает (как и в современном русском языке) ‘просить руки женщины у нее самой или у ее родственников’. В ранних же летописных сводах и в источниках, относящихся к XI–XIV вв., глаголами *свататися*, *сватитися*, согласно словарям, обозначается вступление двух старших представителей семьи в отношения свойства, в отношения родства через брак детей, братьев, сестер и

т.п. (СлРЯ XI–XVII вв., XXIII, 100)². Соответственно, в летописи мы находим упоминания о том, что Всеволод Большое Гнездо «сватася» со Святославом (ПСРЛ, II, 624), а Роман Мстиславич «сватася» с Владимиром Ярославичем Галицким (ПСРЛ, II, 660).

При этом, если мы говорим об узусе летописном, необходимо сделать ряд уточнений. Весьма существенно, что интересующие нас глаголы обозначали именно матримониальный проект, создаваемый главами двух семей. Кем именно им приходились жених и невеста, как ни странно, не так уж важно. В некоторой идеальной ситуации – как это происходит, например, с Романом Мстиславичем и Владимиром Галицким – это были их родные дочь и сын. Однако, коль скоро налицо не оказывалось подходящей по возрасту партии, то можно было, как в случае со Всеволодом Большое Гнездо, свататься с другим князем посредством своей родственницы по жене, например, свояченицы³. Даже такое отдаленное некровное родство со вступающими в брак делало князей сватами и партнерами по договору.

Подобного рода договор, воплощенный в браке, означал переход от военного противостояния между старшими – к союзничеству, от борьбы за княжеский стол – к надежде передать его общим внукам. Так, между Всеволодом Большое Гнездо и Святославом Всеволодичем до заключения интересующего нас брака был затяжной конфликт, и Всеволод долго удерживал в плену одного из сыновей Святослава (Глеба). В летописи мы обнаруживаем поэтапное и отчасти стандартизированное описание прекращения этого конфликта: сначала выпускают на свободу княжича (что, по-видимому, было непременным условием переговоров), после чего следуют более общие упоминания о «великой любви» между князьями, обычно сигнализирующие о достижении мира как такового, затем сообщение о намерении вступить в свойство, и лишь затем – уточняющее сообщение, кого именно из своих семей князь женят:

Всеволодъ же Соудальскни поустн Глѣба Стославича и² шковъ . приа великую любовь . съ Стославомъ . и сватася с нимъ . и да за сѣа его . меншаго [Мстислава Святославича – А.Л., Ф.У.] свестъ свою (ПСРЛ, II, 624).

² Авторы пользуются случаем выразить глубокую признательность сотрудникам Отдела исторической лексикографии Института русского языка РАН, предоставившим возможность ознакомиться с картотекой СлРЯ XI–XVII вв.

³ Пока не подросли родные дети, сестры жены, по-видимому, отданные целиком и полностью под покровительство Всеволода, оставались основной опорой в его матримониальной стратегии (другую свою свояченицу он выдал замуж за Ярослава Владимировича). С канонической точки зрения между Всеволодом и Святославом возникает всего лишь так называемое двухродное свойство, т.е. отношения сами по себе достаточно отдаленные, однако в династической жизни действия, совершаемые главой родовой ветви, не становятся от этого менее значимыми.

Отметим попутно, что инициатором действия в летописи чаще выступает сторона невесты, а отнюдь не жениха⁴.

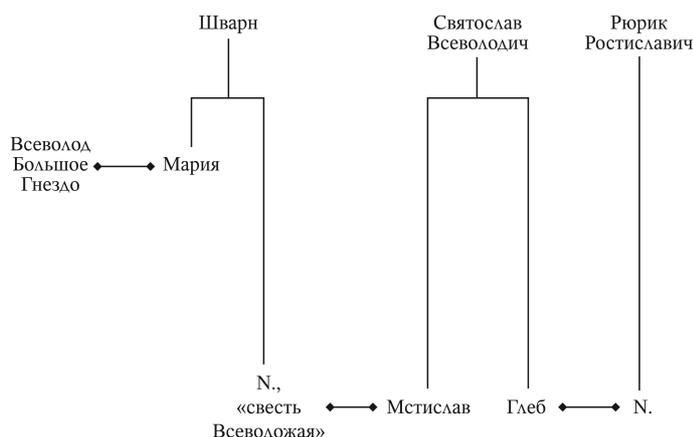
Так или иначе, центральными фигурами в описываемом с помощью этих терминов процессе является не жених и невеста. Более того, когда употребляются глаголы *свататися* / *сватитися*, то это означает, что здесь отеснены на второй план и отношения между младшим и старшим, между тестем и зятем – все сконцентрировано в договоре между старшими князьями, главами семей. Не удивительно поэтому, что слова *сват(ь)ство* и *сват* не фигурируют в летописи в описании событий ни десятого, ни одиннадцатого, ни самого начала двенадцатого века, а глаголы *свататися*, *сватитися* появляются в «Повести временных лет» лишь к концу этого периода, но к этому случаю нам еще предстоит вернуться. С помощью данных слов не могли быть описаны ни знаменитые переговоры древлянских посланцев с княгиней Ольгой, ни брак Владимира Святого с полоцкой княжной Рогнедой. В обоих случаях попросту не доставало по крайней мере одного из контрагентов, который мог свататися / сватитися, войти в отношения сват(ь)ства⁵. Разумеется, отсутствие какого-либо

⁴ Так, в летописи сообщается, что Всеволод Большое Гнездо «сватася» со Святославом Всеволодичем (отцом жениха), а Роман Мстиславич, отец Феодоры, «сватася» с Владимиром Галицким (отцом неназванного по имени жениха Феодоры). С другой стороны, когда в летописи отмечается инициатива стороны жениха, глаголы *свататися* / *сватитися* не используются. Так, в частности, мы не находим их ни в рассказе о том, как Изяслав Давыдович просит для своего племянника дочь у Андрея Боголюбского, ни в истории посольства, которое Рюрик Ростиславич отправляет к Всеволоду Большое Гнездо, желая женить своего сына Ростислава на Верхуслане Всеволодовне. Необходимо учитывать, однако, что во всех этих примерах наличие или отсутствие интересующих нас глаголов может быть объяснено и другими причинами, например, тем, что о женитьбе подопечных в двух последних случаях князья договаривались не лично.

⁵ Княгиня Ольга, равно как и юный Владимир, действовали как самостоятельные лица, не состояли на чьем-либо попечении. В эпизоде с Ольгой никакого старшего родича в ее окружении не усматривается вовсе, что же касается Владимира, то Добрыня, брат его матери, не принадлежит к правящему роду, не имеет княжеской власти и не может на нее претендовать и, тем самым, не является для Владимира главой семьи, а для Рогволода – отца Рогнеды – полноценным партнером для свойства (недаром он, брат рабыни, возникает на сцене отнюдь не в стадии предварительной договоренности, а лишь в момент насилия над Рогнедой, его функция в летописном рассказе сводится к тому, чтобы перенять на себя ответственность за произошедшее). Стремление же древлянского князя Мала или новгородского князя Владимира связать свою судьбу с той или иной женщиной в эпоху составления древнейших летописных сводов не соответствует семантике глаголов *свататися* / *сватитися* и производного термина *сват(ь)ство*. Более того, несколько ранних внутрдинастических браков, имевших место у потомков Рогнеды и Владимира, также не могли быть описаны с применением интересующих нас терминов. Так, женитьба Ярослава Святополчича на дочери Мстислава Великого (ПСРЛ, II, 273) не могла быть охарактеризована с помощью этих слов, так как к тому времени отец и дядя этого князя по отцовской линии давно скончались, он успел побывать по крайней мере в одном браке и давно действовал в качестве самостоятельного князя, главы семьи. Свататися / сватитися Мстиславу Великому в данном случае было попросту не с кем. Когда много позже, в 1144 г., киевскому князю Всеволоду Ольговичу случилось выдавать замуж двух оставшихся на его попечении юных кузин своей жены, у него был шанс вступить с кем-либо в отношения

слова в зачастую весьма лаконичных сообщениях летописных сводов о княжеских браках само по себе не может служить надежным критерием для определения его семантики. Тем не менее, вся картина употребления / неупотребления интересующих нас лексем в целом позволяет, как кажется, довольно полно судить об их возможных коннотациях и, с другой стороны, сформировать некие реконструктивные суждения о спорных исторических ситуациях, в описании которых они появляются.

Итак, важнейшей составляющей процедуры сват(ь)ства был договор между старшими. Зачастую он мог состояться приблизительно за год до самой свадьбы, как это происходит с браками двух сыновей Святослава Всеволодича, Глеба и Мстислава, один из которых женился на свояченице Всеволода Большое Гнездо, а другой – на дочери Рюрика Ростиславича:



Необходимо учитывать, что в ряду формул, описывающих мирные переговоры, договоренность о женитьбе подопечных и самый их брак, конструкции с глаголами *свататися / сватитися* сами по себе не являются сообщением о свадьбе. Указание о том, что она состоялась приводится в летописи отдельно.

При этом у нас есть, как кажется, все основания полагать, что с момента договора о будущем браке главы семей практически считались свойственниками, во всяком случае, брали на себя обязательства сватов. Об этом свидетельствуют случаи упреждающего употребления соответствующей терминологии в летописи. Так, согласно летописи, князь Изяслав Мстиславич именуется Юрия Долгорукого

сват(ь)ства, хотя они не были столь уж близкими его родственниками. Однако соответствующие термины все же вновь оказались непригодны для описания этой матримониальной ситуации, так как оба избранные для княжон жениха, Владимир Давыдович и Юрий Ярославич, уже лишились своих отцов и давно не нуждались в чьей-то опеке при вступлении в брак.

сватом Владимира Володаревича в статье, помещенной под 6657 г.⁶ Сама же свадьба между дочерью Юрия Долгорукого и сыном Владимира Володаревича, Ярославом Осмомыслом, состоялась лишь в следующем, 6658 г. (ПСРЛ, II, 394).

Не менее любопытна в этом отношении и история свойства между князем Игорем Святославичем, главным героем «Слова о полку Игореве», и половецким ханом Кончаком. В летописи под 6693 г. сообщается, что во время пленения Кончак поручился «по свата Игоря», так как тот был ранен (ПСРЛ, II, 644). О венчании же Владимира Игоревича с Кончаковною сообщается лишь под 6695 г.:

Тогда же приде Володимѣрь . ис Половѣць . с Коньчаковною . и створи свадьбу Игорѣ сѣви своемуу . и вѣнча его и с дѣтатемь (ПСРЛ, II, 659).

Не исключено, правда, что в половецкой перспективе брак состоялся не через два года, а несколько ранее, пока Владимир Игоревич был у них в плену⁷. Так или иначе, в 6693 г. Владимир и Кончаковна еще женаты не были, и, тем не менее, Кончак счел необходимым выполнять обязанности свойственника, взять на себя поручительство за, так сказать, родича по договору. В этой связи весьма характерно, что в «Слове о полку Игореве» самая битва, приведшая к пленению Игоря, описывается в терминологии свадебного пира и половецки именуется сватами русских. Метафорическое соположение битвы и пира неразрывно переплетено здесь с упоминанием вполне конкретного статуса персонажей, который недвусмысленно указан в летописи (не исключено также, что традиционная для многих культур метафора пир-битва отсылала, помимо все прочего, ко вполне определенному пиру русских с половецкими, состоявшемуся при заключении «свадебного контракта»).

Точно так же (хотя здесь мы несколько выходим за пределы интересующего нас круга терминов и понятий) когда Андрей Боголюбский договорился с князем Изяславом Давыдовичем, что он отдаст свою дочку за изяславова племянника, в летописи Андрей именуется тестем этого племянника еще до момента приезда его дочери к жениху и состоявшейся свадьбы, но зато как раз тогда, когда Андрей прежде дочери посылает ему на помощь к осажденному Вщижу войско (ПСРЛ, II, 508–509; ср. Литвина, Успенский 2012а, 49).

⁶ «Изяславъ же посла к Володимиру Галичьскому . свату Дюргеви . гла ему оуведи ма в любовь . къ строеви моему и своему сватю Дюргеви» (ПСРЛ, II, 391). В Лаврентьевской летописи под соответствующим годом прямая речь Изяслава передана более кратко, но, тем не менее, сам летописец точно так же характеризует Владимира Володаревича как свата Юрия Долгорукого: «Изяслав же посла к Володимерку к свату Гюргеви гла . введи ма к Гюргеви в любовь . азъ во всемь виновать . передъ Бмь и перед ни^м» (ПСРЛ, I, 325).

⁷ К такому предположению подталкивает ремарка летописца «и с дѣтатемь», позволяющая думать, что ребенок Кончаковны появился на свет прежде венчания. Впрочем, исследователи интерпретируют эту деталь по-разному, полагая, в частности, что младенец родился в том же году, когда молодых обвенчали в церкви.

Подобная практика, когда выгоды и преимущества, оговоренные в соглашении о будущем браке, хотя бы отчасти вступают в силу сразу, здесь и сейчас, находят подкрепление, судя по всему, и в междинастических отношениях, в которые доводилось вступать русским князьям, и в традиционной славянской культуре (насколько мы можем судить о ней по позднейшим источникам). Во всяком случае, у византийских правителей, для которых немедленный военно-политический эффект матримониального союза с чужеземными династиями или их отпрысками нередко бывал едва ли не основной целью брака, такой подход был вполне отражен. Об этом, в частности, свидетельствуют составленные Михаилом Пселлом послания, где свату, будущему свойственнику императора, разъясняются его новые права и обязанности:

Итак, отныне тебе, как удостоенному родства с моим державством, следует, во-первых, радоваться и веселиться по этому поводу и считать соглашение поистине совершенным (состоявшимся) и (во-вторых) быть стражем наших границ, щадить область, нам подвластную, быть союзником и быть заодно противником во всем и против всех, с благорасположением относиться к тем, кто к нам благорасположен, отвергать и ненавидеть тех, кто нам враждебен [...] От сего времени должны начаться благие последствия взаимной любви; мы должны наши взаимные дела считать своими собственными и не ожидать времени брачного соединения наших родов, но уже самое возвещение (предложение, обещание), единение и согласие считать за полнейшее слияние и стараться дать друг другу как бы залогом (приданое, вено) дружбы и единомыслия (Васильевский 1909, 10, 13).

Вполне возможно, что эти письма были предназначены одному из Рюриковичей, княживших на Руси в середине 70-х гг. XI в., но даже если эта убедительная атрибуция, предложенная в свое время В.Г. Васильевским, не вполне верна, совершенно очевидно, что те из русских князей, кто вступал так или иначе в матримониальные переговоры с лицами, принадлежащими к византийскому правящему дому, имели дело именно с такой логикой свадебного и предсвадебного процесса. Подобный подход, по-видимому, в целом совпадал и с семейными обычаями, с которыми князья имели дело у себя дома.

Итак, в той христианско-родовой парадигме, в которой существуют Рюриковичи, договор о свадьбе в некоторых отношениях приравнен к самой свадьбе. Матримониальный союз оказывается заключен с договором, а затем раз и навсегда закреплен самим фактом свадьбы. Здесь, по-видимому, существует некоторая аналогия с различиями, которые существуют между семантикой глагола *купить* в современном русском языке и тем набором значений, которым он обладал в языке XII столетия. В сегодняшнем повседневном узусе *купил* применимо к ситуации, когда деньги или какая-то иная форма оплаты уже перешла в одни руки, а соответствующий товар – в другие. В берестяных же грамотах XII века, по наблюдениям А.А. Зализняка, словом *купила* могла обозначаться ситуация, когда уже достигнута до-

говоренность о купле-продаже, но ни покупатель еще не имеет товара в руках, ни продавец — соответствующего возмещения.

Иными словами, договор или договоренность в XII в. сами по себе обладали очень высоким коэффициентом значимости, что и отразилось соответствующим образом в языке. Не могли ли, в таком случае, термины *сват(ь)ство*, *свататися* и *сватитися* обозначать попросту договорные отношения между князьями, соглашения о мире и союзнничестве, взятые безотносительно к браку? Обязателен ли вообще матримониальный компонент в семантике *сват(ь)ство*, *свататися*, *сватитися*?

Вопрос этот — не такой схоластический, как может показаться на первый взгляд. Так, отечественная лексикография (и, имплицитным образом, отечественная историография) в целом склоняется к тому, что соответствующие лексемы могут употребляться в особом значении, подразумевающим договор, но не женитьбу. «Словарь русского языка XI–XVII вв.», например, выделяет у термина *сват(ь)ство* два значения. Одно из них, так сказать, классическое: «отношения родителей или родственников жениха или невесты в результате бракосочетания». Если речь идет об эпохе XII — первой половины XIII столетия, то здесь целесообразно сделать лишь некоторые уточнения. С одной стороны, отношения сват(ь)ства возникают не только «в результате бракосочетания», но и в результате договора о бракосочетании. С другой стороны, брачующиеся не обязательно должны быть кровными родственниками тех, кто вошел в отношения сват(ь)ства, однако непременно должны состоять на их попечении.

Второе же указанное в словаре значение, «соглашение, союз», вроде бы никакого брака не подразумевает, при этом оно базируется на одном-единственном примере и вызывает у нас весьма серьезные сомнения. Что же это за пример?

В Галицко-Волынской летописи под 1240 г. содержится следующее сообщение:

... преже того ꙗхалъ бѣ . Данило кнѣзь . ко королеви Оугрѣи . хотѣ имѣти с ни^м любовь сватьства . и не бѣ любви межи има . и воротисѣ . ꙗ короля (ПСРЛ, II, 787).

Никакого брака между детьми короля Белы и Даниила Галицкого в ближайшее время не последовало, и именно поэтому, очевидно, составители словаря предположили, что в данном случае термином *сват(ь)ство* обозначен политический союз двух правителей, безо всякой женитьбы их подопечных.

Обратим внимание, однако, что в используемой словарем цитате речь совершенно определенно идет не о событии, а о намерении князя Даниила («хотѣ имѣти с ни^м любовь сватьства»)⁸, причем

⁸ Любопытно происхождение относительно устойчивых для Ипатьевской летописи выражений «любовь сватьства» (ПСРЛ, II, 787), «приа великою любовь... и сватасѣ» (там же, 624), «и тако живаста оу любви . и сватьствомъ ѡбоумшесѣ»

именно относительно данного эпизода Галицко-Волынская летопись, счастливым образом, дает нам несомненные доказательства того, что намерения двух правителей имели не какой-либо иной, а именно матримониальный характер – они собирались сделаться сватами, и лишь внезапная перемена в настроениях Белы помешала осуществлению этого проекта.

Дело в том, что примерно одиннадцать лет спустя Бела IV отправляет посольство к Даниилу, желая выдать свою дочь за его сына Льва. Благодаря содействию митрополита Кирилла, брак через некоторое время состоялся⁹, однако поначалу галицкий князь, посоветовавшись со своим братом Василько, это предложение венгров отвергает. В летописи совершенно недвусмысленно сообщается и мотивировка их отказа: они не верят королю, ибо значительно раньше в аналогичной ситуации Бела изменил своему слову и не отдал дочь в семью Даниила:

... помыслив же си с братомъ . глаголю его не оута вѣрѣи . древле бо того . измѣнилъ еѣ . вѣщавъ дати дщерь свою (ПСРЛ, II, 809).

Ни у кого из историков не вызывает сомнения, что первоначальное несогласие Даниила целиком и полностью мотивировано событиями 1240 г., когда король отказался от их общего матримониального проекта.

Таким образом, уже тогда в намерения обоих правителей входил именно брак их детей, и то обстоятельство, что планы одного из участников изменились, никак не отменяет их матримониального характера. Иначе говоря, на основании данного примера неправомерно присваивать слову *сват(ь)ство* некое нематримониальное значение.

Сват(ь)ство обозначает только такой союз, только такое соглашение, непременным условием которого является брак детей или опекаемых родичей. Брак может быть состоявшимся или планируемым, но вовсе без брачных планов обойтись нельзя, во всяком случае, ни в

(там же, 624), «проса миру и хота любви ѿ сватьствѣ» (там же, 819–820). Перед нами случаи более или менее регулярного соотношения терминов *любовь* (между главами двух семей) и *сват(ь)ство / свататися*. Поскольку одним из значений древнерусского *любовь* было ‘мирный договор’, то очевидно, что такое соотношение означает особый тип договора, воплощающийся в матримониальном соглашении. Если предположить, что условия, подобные тем, что мы находим в посланиях, составленных Михаилом Пселлом, фигурировали в переговорах Византии с Русью, то можно допустить, что такого рода сцепление терминов имеет связь с византийским дипломатическим узусом.

⁹ Из летописи мы знаем, что позднее, в 1254 г., Беле случалось именовать Даниила сватом: «Потом же посла к Данилови рекуи оужика ми и свать еси . помози ми на Чехы и оубѣди и» (ПСРЛ, II, 821). Однако в данном случае не так просто установить, какие именно отношения свойствá / сват(ь)ства имел в виду венгерский правитель, поскольку к этому времени не только Лев Данилович успел жениться на его дочери, но Бела организовал брак для еще одного Даниловича – Романа, сговорившись с Даниилом женить его на своей троюродной племяннице, Гертруде Бабенберг.

летописи, ни в иных источниках мы подобных примеров не находим. Нарушение такого рода планов, в котором оказался повинен Бела, по-видимому, трактуется как очень серьезное отступление от этики поведения правителя, коль скоро оно помнится десятилетие спустя и считается препятствием для новых договоренностей. Это лишний раз оттеняет тот факт, что на старших родичей соглашение о браке налагало ненамного меньше обязательств, чем самый брак их отпрысков.

Как же обстоит дело с глаголами *свататися* и *сватитися* – могут ли они употребляться в нематримониальном значении в древнерусских текстах? Необходимость выделения подобного значения не поддерживается семантикой родственного им слова *сват(ь)ство*, поскольку у него, как мы убедились, нематримониальное значение отсутствует. Тем не менее, и в материалах к словарю И.И. Срезневского, и в соответствующем томе «Словаря русского языка XI – XVII вв.» утверждается, что данные глаголы таким значением обладают, что они способны означать попросту ‘вступать в соглашение, в союз’, вне какой-либо связи с брачными планами (Срезневский 1893–1912 / 2003, III, 266–267; СлРЯ XI – XVII вв., XXIII, 100). Единичный пример, который иллюстрирует это значение и на котором оно держится в словарях, чрезвычайно интересен как с лингвистической точки зрения, так и в перспективе воссоздания истории правящей династии.

Прежде всего, это самый ранний для летописи и единственный в «Повести временных лет» пример употребления данных глаголов вообще (напомним, что термин *сват(ь)ство* и даже слово *сватъ* здесь красноречиво отсутствуют). Уникален он еще и тем, что интересующие нас глаголы употребляются в настоящем времени и обозначают процесс, протекающий синхронно с моментом речи персонажа, а не имевший место в прошлом, как в других летописных эпизодах. Наконец, исторический сюжет, где они появляются, может оказаться весьма важным не только для определения функции внутридинастических договоров и внутридинастических браков, но и для характеристики восприятия этих договоров и браков летописцами и князьями.

Речь идет о конфликте сыновей и наследников Ярослава Мудрого, когда Святослав склоняет Всеволода, своего младшего брата, выступить против их старшего брата Изяслава. Его маневр описывается в летописи следующим образом:

Сѣтослав же бѣ начало выгнанию бра̑тню . желаа болшее власти . Всеволода бо прелести гл̑а . яко Изяславъ сватитсѧ со Всеславомъ . мѣсла на наю . да аще кто не [варивѣ] им̑ть на прогнатье . и тако взостри Всеволода на Изяслава (ПСРЛ, I, 182–183)¹⁰ .

¹⁰ Ср.: «Стослав же бѣ начало выгнанию братнюю . желаа болшаа власти . Всеволода бо прельсти и гл̑а . яко Изяславъ . встаетъ <в Хлебниковском и Пого-

Напомним, кто является контрагентом Изяслава в этом эпизоде: Изяслав «сватится» со Всеславом, представителем обособленной, видимо, претендующей на старшинство полоцкой ветви Рюриковичей, который был едва ли не самым опасным и могущественным врагом своих двоюродных дядьев, сыновей Ярослава Мудрого. В свое время Изяславу Ярославичу, как известно, удалось заключить Всеслава на некоторое время в поруб, причем вместе с ним в заточении оказались два его сына, которые, вероятно, были уже не совсем маленькими детьми, но и не располагали еще самостоятельной властью. В свою очередь, не кто иной, как освобожденный горожанами Всеслав оказался причиной первого изгнания Изяслава с киевского стола в 1068 г. Возвратив же себе Киев, Изяслав сумел изгнать Всеслава из наследственного Полоцка. Таким образом, по своей тяжести конфликт князей весьма напоминает противостояние Святослава Всеволодича и Всеволода Большое Гнездо, о котором мы упоминали выше, закончившееся «сват(ь)ством» этих князей, только усобица XI в. носил более острый характер, в частности, потому что в заточении побывал не только княжеский сын, но и сам глава полоцкого дома.

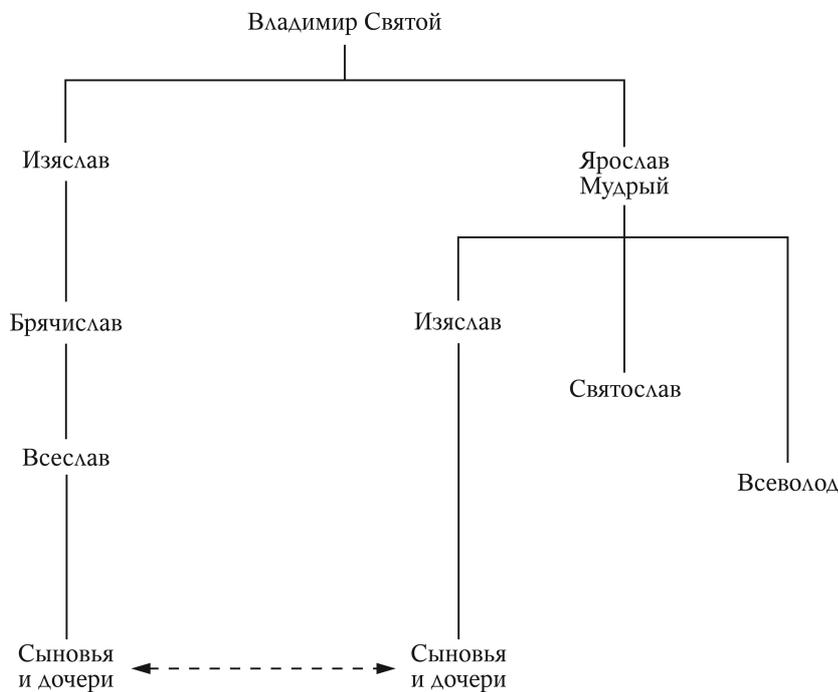
Соответственно, коль скоро Изяслав и Всеслав желали примирения, его следовало осуществить в максимально надежной, максимально обязывающей обе стороны форме. В таких случаях в средневековом мире (а, как явствует из разобранных примеров, и на Руси) договор стремились скрепить браком между членами враждовавших семей. Естественнее всего предположить поэтому, что глаголы *свататися* / *сватитися* означают здесь то же самое, что и во всех других контекстах, летописных и нелетописных, связанных с домонгольским временем: скорее всего, Изяслав и Всеслав вели переговоры о браке своих подопечных (учитывая семейную ситуацию Рюриковичей того периода, попросту о браке своих детей).

Если мы вспомним о той густоте матримониальной сети, характерной для Рюриковичей, о столь свойственном им стремлении использовать все возможности для внутридинастического брака, то такая интерпретация покажется еще более закономерной. В самом деле, именно для детей князя Всеслава и внуков Ярослава Мудрого впервые в династии открылась возможность женитьбы друг на друге, ибо родство между ними уже было для этого достаточно отдаленным.

Полоцкие князья к тому времени оказались единственной ветвью Рюриковичей, не являющихся потомками Ярослава Мудрого, они вели свою родословную от его брата Изяслава Владимировича. Соот-

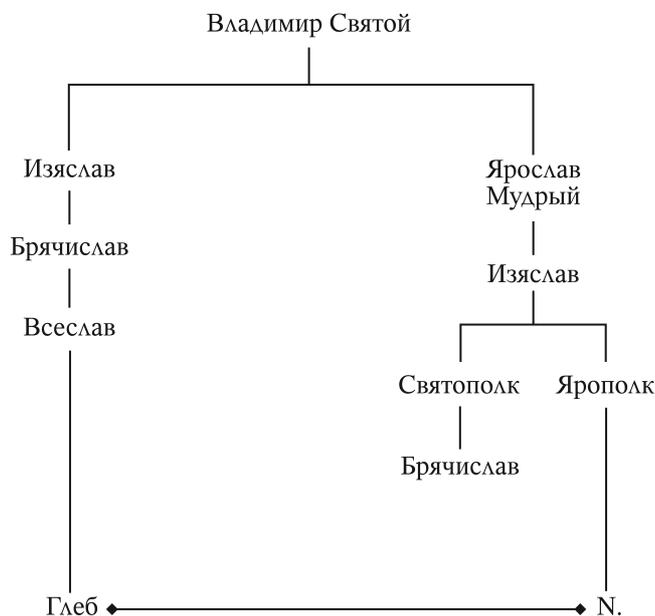
динском списках – «сватається» . съ Всеславомъ . мысля на наю . да аще его не варивѣ . имать насъ прогнати . и тако възстри Всеволода . на Изяслава» (ПСРЛ, II, 172); «Святославъ же бѣ начало выгнанию братню, желая болшая власти; Всеволода бо прельсти, глаголя, яко «Изяславъ сватится со Всеславомъ, мысля на наю; да аще его не варивѣ, имать наю прогнати»; и та възстри Всеволода на Изяслава» (ПСРЛ, III, 197).

ветственно, сыновья Ярослава Мудрого и Брячислав Изяславич были двоюродными братьями или, говоря иначе, приходились друг другу родственниками в 4-й степени. Единственный сын Брячислава, Всеслав, и многочисленные внуки Ярослава Мудрого были между собой троюродными (6-я степень родства). Ни то, ни другое с точки зрения церковных норм для брака решительно не годилось. Однако дети Всеслава уже могли жениться на внуках Ярослава: они состояли в 7-й степени родства, что, согласно принятому на Руси изводу канонической нормы, было вполне приемлемо для брака.



Между тем, если учитывать имеющиеся в нашем распоряжении сведения о состоявшихся внутридинастических браках, складывается впечатление, что русские князья как будто бы не заметили этой возможности, как бы выжидали с осуществлением подобного рода союза дольше, чем было необходимо. Первый известный нам брак между двумя представителями русской княжеской династии состоялся лишь между родичами в 8-й степени. Однако обратив внимание на то, кем были эти первые известные нам жених и невеста из Рюриковичей, мы лишний раз можем убедиться, что для потомков Изяслава Ярославича союз с полоцкой ветвью оставался и почти два десятилетия спустя после вторичного изгнания Изяслава из Киева делом весьма важным, ибо в ту пору сын Всеслава, Глеб, взял в жены Ярополковну, внуку Изяслава¹¹.

¹¹ Полоцкое княжество и его князья, как известно, еще не одно десятилетие составляли своеобразную точку напряженности для потомков Ярослава Мудрого.



Таким образом, коль скоро, с одной стороны, брак отпрысков Все-слава и Изяслава был чрезвычайно желателен в русле общединастической стратегии и, в особенности, в контексте конкретной исторической ситуации, а, с другой стороны, являлся совершенно допустимым с церковно-канонической точки зрения, то всего вероятнее, что и глаголы *свататися / сватитися* употреблены здесь в своем обычном матримониальном значении. Иными словами, мы полагаем, что Изяслав Ярославич, по сведениям его младшего брата Святослава, готовился женить кого-то из своих детей на отпрыске Всеслава Брячиславича, используя тем самым впервые возникшую возможность вну-

Последние разными способами – мирными и немирными – пытались приобщиться к правам на Полоцк. Так, Святополк, сын Изяслава Ярославича, после неудачного похода княжеского войска на Минск, где княжил Глеб Всеславич, нарек своего новорожденного сына *Брячиславом* (ПСРЛ, I, 280). Все остальные носители этого имени у домонгольских Рюриковичей принадлежали исключительно к полоцкому дому. Так звался, в частности, дед Глеба Всеславича, Брячислав Изяславич, и один из племянников Глеба, сын его брата Давыда. Иначе говоря, Святополк избрал для одного из своих детей имя, которое и тогда, и прежде было отчетливо закреплено за полоцкой ветвью рода, рассчитывая, возможно, обеспечить отпрыску какой-либо из столов полоцкого княжества. А.В. Рукавишников сопоставил факт наречения Брячислава Святополчича специфически полоцким именем и неудачный поход войска его отца, Святополка, на Глеба и Давыда Всеславичей. При этом исследователь предположил, что *Брячислав* было княжеским именем самого Давыда Всеславича (Рукавишников 2002, 49, примеч. 21). Последнее можно считать практически невероятным, потому что мы решительно ничего не знаем о том, чтобы у этого князя было какое бы то ни было имя, помимо неоднократно зафиксированного в летописи *Давыд*, и – что еще более существенно – у Рюриковичей вплоть до начала XIII в. мы не знаем ни одного случая, когда сын при жизни отца становился его тезкой по княжескому, некалендарному имени (Литвина, Успенский 2006, 267-322). При этом достоверно известно, что сын Давыда Всеславича звался *Брячислав*.

тридинастического брака, остро необходимую для заключения союза со своим недавним противником¹². Очевидно также, почему такого рода план мог вызвать истинные или старательно сымитированные опасения Святослава Ярославича – в самом деле, всегда существовал риск, что отношениям свойства, родства через брак, будет отдано ситуативное предпочтение перед родством кровным, связью с братьями¹³.

¹² Что касается вопроса о том, кто именно из детей Изяслава и Всеслава, был предназначен для матримониального союза, то для его разрешения источники не дают нам никакой непосредственной информации. В свое время, Л.В. Алексеев, один из немногих исследователей, интерпретировавших интересующее нас летописное известие как сообщение о брачных переговорах, предположил, что речь уже в ту пору шла о браке новорожденной дочери Ярополка Изяславича (внучки Изяслава) с сыном Всеслава – Глебом (об этом браке см. выше в нашей работе) (Алексеев 1966, 249). Эта гипотеза чрезвычайно удачно вписывалась бы в общую картину известий о браках Рюриковичей, поскольку мы знаем, что этот союз в конце концов состоялся и Ярополковна действительно стала женой Глеба. Однако, как явствует из летописного рассказа о смерти Ярополковны, она появилась на свет лишь после 2 января 1073 г., а скорее всего – между 2 января 1074 г. и 3 января 1075 г. (см. Назаренко 2001, 526–527), т. е. после интересующих нас событий. Даже если предпочесть наиболее раннюю из возможных дату ее рождения – январь 1073 г. – то едва ли можно согласиться с тем, что до 22 марта 1073 г., когда Святослав и Всеволод уже вошли в Киев, изгнав оттуда своего старшего брата, успели состояться и зайти хоть сколько-нибудь далеко полноценные переговоры относительно ее брака, не говоря уже о том, что мы, вопреки утверждению Л. В. Алексеева, не знаем ни одного примера, чтобы на Руси сватали только что появившуюся на свет княжну. Помимо всего прочего, Глеб Всеславич к тому времени, по всей видимости, уже вступил в возраст подходящий для брака, а его помолвка с новорожденной отсрочивала бы на долгие годы столь необходимый результат княжеского брака как появление потомства, результат, благодаря которому свойство для следующего поколения переходило в кровное родство. Куда более вероятным представляется, что речь в 1073 г. шла о ком-то из детей Изяслава. Весьма заманчиво допустить, что со стороны Всеслава в качестве жениха предполагался и в самом деле Глеб. В таком случае оказывается, что матримониальный план был в свое время доведен до благополучного конца, но в уже изменившейся, приспособленной к новым, условиям форме – Глебу досталась не дочка, а внучка Изяслава, не тетка, но племянница. Тем не менее, при всей своей привлекательности, это допущение сугубо гадательно.

¹³ Помимо всего прочего, при такой трактовке куда понятнее становится обличительный пафос летописца, направленный на Святослава Ярославича, который искусными и, по-видимому, лживыми речами вовлекает Всеволода в распрю со старшим братом Изяславом. В самом деле, если Изяслав вступил бы в сепаратный сговор со Всеславом, то это действительно противоречило бы завещанию их отца, Ярослава Мудрого, и в известном смысле оправдывало бы контрудар объединенной коалиции младших Ярославичей. С другой стороны, если весь сюжет о переговорах между Изяславом и Всеславом был чистым вымыслом, полной ложью, то подозрительное легкоеверие Всеволода Ярославича не позволяло бы обрушить всю тяжесть обличений на одного только Святослава. Судя по контексту, реплика последнего являет собой убедительное смещение истины и ее намеренно превратного толкования. Матримониальный союз и даже предварительные действия, направленные на его создание – событие публичное, и, вместе с тем, его частичная сепаратность санкционируется всем авторитетом традиции, как семейной, так и династической. В нем, естественным порядком, задействованы прежде всего сами брачующиеся и главы их семей (чья роль, как мы стремились продемонстрировать, до поры до времени была даже важнее, чем роль молодой пары). Остальные же родственники также включаются в отношения свойства, но, как правило, их функции

Существенно, разумеется, что в летописных источниках отсутствуют как прямое известие о свадьбе между детьми Всеслава и Изяслава, так и косвенные сообщения о каких бы то ни было последствиях (политических или генеалогических), по которым можно было бы заключить, что затевавшийся в 1073 г. брак был заключен. Помимо всего прочего, та поспешность, с которой Святослав и Всеволод вытеснили своего старшего брата из Киева, попросту не оставляла времени для завершения предполагаемого брачного проекта.

Однако отсутствие брака вовсе не означает отсутствия брачной договоренности. Как мы попытались показать, глаголы *свататися* / *сватитися* сами по себе не служат сообщением о свадьбе и могут означать не только связь между некровными родственниками, вступающую в силу с момента брака, но и отношения по договору о браке, ибо сам по себе этот договор обладал немалым весом. Из истории отношений галицкого князя Даниила Романовича и венгерского короля Белы IV явствует, что уговор о вступлении в сват(ь)ство не всегда или, во всяком случае, далеко не сразу завершался свадьбой, но матримониальные намерения, самый план брака, присутствовал непременно.

Итак, теперь мы можем сделать два вывода. Один из них служит своеобразным уточнением к принятому лексикографическому толкованию интересующих нас слов: глаголы *свататися*, *сватитися* и производное от них *сват(ь)ство* (если речь идет об отразившихся в летописи междукняжеских отношениях X – середины XIII столетия) отсылают к родству между главами семей, которое возникает благодаря браку между их детьми или иными подопечными, а также – к своеобразным квазиродственным отношениям, возникающим между главами семей благодаря договоренности о соответствующем браке. Иными словами, для того, чтобы в тексте могли фигурировать данные термины, необходимо наличие трех ситуативных компонентов: старших родичей-переговорщиков, соглашения между ними и конкретного матримониального плана, осуществившегося или потерпевшего крах.

Второй вывод связан с вполне конкретными историческими событиями 70-х гг. XI в. Непосредственно перед вторым изгнанием Изяслава Ярославича из Киева он договорился со своим давним противником, Всеславом Полоцким, о женитьбе кого-то из младших членов их семей, пытаясь использовать впервые открывшуюся для русских князей возможность заключения внутридинастических бра-

второстепенны. В такой внутрисемейной сепаратности, повторимся, нет ничего нарушающего интересы рода, но Изяславу, заключающему матримониальный союз с недавним противником, легко и убедительно можно приписать намерение предпочесть нового свойственника кровным родственникам, легко представить эти предпочтения заходящими весьма далеко. В подобном риторическом извращении целей вполне реального предприятия старшего брата, по-видимому, и состояло коварство святославовых речей, в котором его упрекает летописец.

ков без нарушения церковных ограничений на близкородственные союзы.

*

Почему же, однако, несмотря на очевидность многих соображений, изложенных выше, глаголам *свататися* / *сватитися* в авторитетных словарях приписывается дополнительное нематримониальное значение и, с другой стороны, в историографической традиции принимается презумпция, согласно которой в летописной статье под 1073 г. речь идет исключительно о политическом соглашении, а не о проекте внутрдинастического брака?¹⁴

Что касается составителей современных словарей, то они, по-видимому, руководствовались вполне закономерным стремлением не потерять ни одного из выделенных предшественниками значений слова. Так, «Словарь русского языка XI–XVII вв.», вероятнее всего, ориентировался в этом отношении на материалы словаря И.И. Срезневского, где для глаголов *свататися* / *сватитися* (но не для термина *сват(ь)ство*) нематримониальное значение выделяется со всей определенностью. Составители же словаря Срезневского, в свою очередь, при формировании данной словарной статьи стремились, по-видимому, не потерять значение, выделенное «Словарем Академии Российской», где статья, посвященная глаголу *свататься*, выглядит следующим образом:

Сватаюсь <...> 1) Предлагаю свое желание вступить с кем в супружество (*Сватается на богатой невесте*). 2) В старин. знаменовании: сговариваюсь, соглашаюсь (*Изяславъ сватается со Всеславомъ, мысля на насъ*. Никон. Лет. I. 167) (САР 1789-1794, V, 347).

Подчеркнем еще раз, что в качестве иллюстрации «старинного знаменования» в «Словаре Академии Российской» приводится все тот же единственный пример о Всеславе Брячиславиче и Изяславе Ярославиче. Почему же лексикографы конца XVIII столетия именно так поняли данный фрагмент? Старое значение глаголов *свататися* / *сватитися*, подразумевающее как переговоры о браке, так и установление родства между двумя главами семей по браку их подопечных, в живом языке XVIII в., судя по всему, было уже утрачено. Составители

¹⁴ См., например: Карамзин 1842/1988, 46; Голубовский 1881, 71; Данилевич 1896, 69; Пресняков 1993, 44; Свердлов 2003, 459-460. В.А. Кучкин, обсуждая упоминавшуюся нами выше гипотезу Л. В. Алексева, считает неправдоподобным, что помолвка Ярополковны послужила причиной для изгнания Изяслава Ярославича из Киева. Однако из текста его работы не совсем ясно, признает ли он факт помолвки в 1073 г как таковой и трактует ли глаголы *свататися* / *сватитися* в этом контексте как «матримониальные». В целом исследователь полемизирует с точкой зрения А.А. Шахматова, считавшего, что этот фрагмент летописи был записан по горячим следам и вошел в летописный свод 1073 г. В.А. Кучкин полагает, что это свидетельство было составлено несколько позже, в эпоху Всеволода Ярославича, и главной задачей летописца в данном случае была реабилитация Всеволода в истории изгнания его старшего брата из Киева (Кучкин 1985, 19-35).

словаря, по-видимому, не имели под рукой материалов для его восстановления или хотя бы для какой-то лингвистической рефлексии на сей счет – в Никоновской летописи, которая была для них основным источником по истории Руси домонгольского времени, в отличие от летописи Ипатьевской, например, больше нет никаких описаний матримониальных переговоров с использованием глаголов *свататися / сватитися* (так, в ней попросту отсутствуют рассказы о том, как вступили в свойство Всеволод Большое Гнездо и Святослав Черниговский или Роман Мстиславич и Владимир Галицкий).

Новое, привычное для узуса XVIII в., значение – ‘предлагать свое желание, давать свое согласие вступить с кем в супружество’ – очевидным образом, никак не подходило к ситуации, описанной в летописи под 1073 г., поскольку Изяслав и Всеслав едва ли могли желать брака друг с другом. Соответственно, составителям словаря приходилось отыскивать какой-то иной семантический вариант. Возможно, на их понимание летописного примера повлияло одно из поздних переносных значений глагола *свататься*, сохранившееся в диалектах — ‘договариваться о торговой сделке, иметь дело, вести дела с кем-либо’ (СРНГ, XXXVI, 217). Это значение тоже не вполне отвечало контексту, но, с другой стороны, оно явно не выглядело современным и общеупотребительным (об это свидетельствует помета «в старин. знаменованиях») и позволяло разрешить то режущее глаз противоречие, когда один летописный персонаж мужского пола сватается с другим.

Весьма вероятно, что составителям «Словаря Академии Российской» не пришлось проделывать эту операцию самостоятельно, поскольку они могли попросту воспользоваться готовым авторитетным решением, уже предложенным в исторических трудах М.М. Щербатова и В.Н. Татищева, где при в рассказе о событиях 1073 г. говорится о «тайном согласии», договоре, но отнюдь не о брачных планах князей (Татищев 1768-1848, II, 116; ср. также: Щербатов 1770-1791, II, 20). Соответствующая трактовка значений глагола «свататься» была перенесена и во второе издание «Словаря Академии Российской»¹⁵.

И.И. Срезневский привлек для статьи о глаголах *свататися / сватитися* весьма обширный летописный материал, дабы выявить основные составляющие значения этих глаголов в древности и не смешать это старое значение с тем, которое один из наших глаголов (*свататься*) приобрел позже. Однако при издании материалов И.И. Срезневского было сочтено нужным сохранить и нематримониальное значение данного слова, ошибочно, на наш взгляд, выделенное в «Словаре

¹⁵ Оно-то, вероятнее всего, и послужило ориентиром при издании материалов И.И. Срезневского, поскольку для основного значения глагола *свататься* среди прочих здесь используется пример из книги Бытия, появившийся именно во втором издании «Словаря Академии Российской». Ср.: «Свататься, сосвататься [...] 1) Предлагать свое желание, давать свое согласие вступить с кем в супружество (*Свататься на богатой невесте. Сосватайтесь с нами, дочери ваши дадите нам*, Быт. 84. 9.). 2) В старинном знаменованиях: стовариваться, соглашаться (*Изяславъ сватается со Всеславомъ, мысля на насъ*. Никон. Лет. Ч. I, стр. 167)» (САР 1806-1822, IV, 46-47).

Академии Российской». Таким образом, окончательно сложился своего рода порочный круг, когда желающие уточнить понимание этого фрагмента истории обращались к словарям и находили там специально выделенное значение 'сговариваться', а лексикографы, в свою очередь, обращались к историческим трудам и находили в них подтверждение неверной словарной интерпретации.

Литература

- Алексеев, Л.В. 1966. *Полоцкая земля: Очерки истории северной Белоруссии в IX–XIII вв.* Москва.
- Васильевский, В.Г. 1909. Два письма византийского императора Михаила VII Дуки к Всеволоду Ярославичу. – *Труды В.Г. Васильевского. Т. II. Вып. 1: Русско-Византийские отрывки (I–V).* Санкт-Петербург, с. 3–55.
- Голубовский, П. 1881. *История Северной земли до половины XIV столетия.* Киев.
- Данилевич, В.Е. 1896. *Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия.* Киев.
- Карамзин, Н.М. 1842/1988. *История государства российского.* Книга первая (томы I, II, III и IV). Санкт-Петербург (репринт: Москва).
- Кучкин, В.А. 1985. «Слово о полку Игореве» и междукняжеские отношения 60-х годов XI века. – *Вопросы истории* 11, 19–55.
- Литвина, А.Ф., Ф.Б. Успенский. 2006. *Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики.* Москва.
- 2012. Насильственный постриг княжеской семьи в Киеве: от интерпретации обстоятельств к реконструкции причин. *Средневековая Русь* 10. Москва. **Paginae???**
- 2012a. Внутридинастические браки между троюродными братьями и сестрами в домонгольской Руси. – *Древняя Русь: Вопросы медиевистики* 3 (49), Сентябрь 2012, 45–68.
- Назаренко, А.В. 2001. *Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых и политических связей IX–XII веков.* Москва.
- Пресняков, А.Е. 1993. *Княжое право в Древней Руси: Очерки по истории X–XII столетий. Лекции по русской истории: Киевская Русь.* Подгот. текста, статьи и примечания М.Б. Свердлова. Москва.
- ПСРЛ. 1841–2004. *Полное собрание русских летописей*, т. I–XLIII. Москва; Санкт-Петербург/Петроград/Ленинград. (В случае переиздания летописи мы, кроме специально отмеченных случаев, всегда ссылаемся на последнее издание.)
- Рукавишников, А.В. 2002. Некоторые вопросы истории полоцкой земли домонгольского периода. – *Русское Средневековье 2000–2001 гг.* Москва, с. 40–69.
- САР. 1789–1794. *Словарь Академии Российской*, ч. I–VI. Санкт-Петербург.
- САР. 1806–1822. *Словарь Академии Российской*, ч. I–VI. Санкт-Петербург.
- Свердлов, М.Б. 2003. *Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI–первой трети XIII в.* Санкт-Петербург.
- СлРЯ XI–XVII вв. 1975–2011. *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, вып. I–XXIX. Москва.
- Срезневский, И.И. 1890–1912/2003. *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*, т. I–III. Санкт-Петербург (репринт: Москва).
- СРНГ. 1965–2010. *Словарь русских народных говоров*, т. I–XLIII. Москва; Ленинград/Санкт-Петербург.
- Татищев, В.Н. 1768–1848. *История Российская с самых древнейших времен*, кн. I–V. Москва.
- Щербатов, М.М. 1770–1791. *История Российская от древнейших времен*, т. I–VII. Санкт-Петербург.

Москва,
 Нац. исслед. университет
 «Высшая школа экономики»
 (fjodor.uspenskiy@gmail.com)
 (annalitvina@gmail.com)

Анна Ф. Литвина
 Федор Б. Успенский